

Оглавление

Часть первая. Что со мной случилось	7
Часть вторая. Что я предприняла	131
Часть третья. Какие у этого были последствия	275

*Посвящается Миш,
самой волевой, самой несгибаемой
из известных мне людей.
Я горд быть твоим отцом*

Разве старое не знает всегда о появлении нового?
*Рэй Брэдбери. И по-прежнему лучами серебрит
простор луна...¹*

¹ Пер. Л. Жданова.

Часть первая
ЧТО СО МНОЙ СЛУЧИЛОСЬ

1

Мне было тринадцать, когда Тишина пришла на Марс, укрыла нас, точно удушливая пыль. Теперь мы нечасто вспоминаем о тех временах, а почти все, кто их застал, уже умерли. Теперь я стара — мне нравится говорить «экстравагантно стара» — и скоро к ним присоединюсь. Быть может, оттого я все чаще в долгие ночные часы обращаюсь мыслями к тем годам: к ужасу и одиночеству, заразившим всех нас, и к тем постыдным вещам, которые мы делали, потому что боялись.

И оттого же, наверное, я вспоминаю также о давних друзьях и давних врагах, и о том, как порой они оказывались одними и теми же людьми. И, наверное, поэтому старый добрый Ватсон наконец-то пришел навестить меня, сверкающий в свете лампы, полный собственных волшебных историй.

Я всю жизнь хотела писать рассказы о приключениях, но всегда была больше пригодна к чтению, чем к сочинительству. Я никогда не верила, что моего воображения на это хватит. И лишь сейчас, под самый конец, я поняла, что мне и не нужно было ничего воображать.

Меня зовут Анабель Крисп. Это история о том, что со мной случилось, что я предприняла и какие у этого были последствия.

* * *

Был ранний вечер, и мы закрывали закусочную «Матушка Земля». Обычно мой отец держал ее открытой допоздна. Мы жили с Тишиной уже почти год, и в то время казалось, что все больше и больше людей желает с наступлением темноты очутиться в теплом и светлом месте. Моя семья с радостью предоставляла им такое место. Мы специализировались на хорошей южной еде — бобах с рисом, листовой капусте, свинине барбекю и тому подобном, — а на стенах у нас висели фотографии знаменитых городов и достопримечательностей Земли. Да, Тишина набросила на эти снимки флер грусти, но он лишь усиливал их притягательность.

Тем вечером мы закрывались раньше обычного. Клуб «Движущиеся картинки» показывал на городской площади фильм, который должен был перетянуть у нас большую часть посетителей. Меня это не обижало; я и сама надеялась успеть на площадь, чтобы его посмотреть. Они снова крутили «Затерянный мир», и я, хоть и видела его уже дважды, жаждала пойти снова. Артур Конан Дойл был моим любимым писателем. В предвкушении я снова перечитывала «Архив Шерлока Холмса», корешок которого растрескался от моей любви.

Последним клиентом вечера был Джо Райли. В Нью-Галвестоне его многие презирали, и он завел привычку

приходить к нам в часы, когда вероятность того, что его потревожат, была меньше всего. Я бы с радостью вообще не пускала его на порог, но папа не желал об этом слышать. Поэтому я обслуживала Джо в холодном молчании. Он быстро и жадно проглотил еду и спросил:

— Вы сегодня рано закрываетесь, Анабель?

— Вы же знаете, что да.

— Что ж. Тогда, пожалуй, не буду вам мешать. — Он оставил деньги и ушел. Какое облегчение; обычно он задерживался надолго.

Я отнесла тарелки на кухню, где занимались уборкой папа и Ватсон, наш Автомат. Папа что-то бормотал себе под нос и умолк, когда я вошла. Он снова разговаривал с мамой. Я знала, что это его утешает, но все равно мне было больно это слышать. Он старался говорить с ней, лишь когда меня не было рядом, но, видимо, не всегда мог удержаться.

Ватсон был кухонным Автоматом — двуногим человекоподобным механизмом, утилитарным и безликим. Я назвала его так в честь героя рассказов о Шерлоке Холмсе, но на самом деле он был не более чем посудомойной программой, на которую мои родители наложили дешевый личностный шаблон — «Английского дворецкого», — чтобы позабавить себя и клиентов. Напарник частного детектива из него был такой же, как из меня — величайшая сыщица в мире. Это была ложь, в которую я предпочитала верить.

Я провела в кухне не больше минуты и поэтому очень удивилась, когда, вернувшись в зал закуской,

увидела у стойки мужчину. Он сидел, сгорбившись и сцепив руки, и изучал сплетение собственных пальцев так, словно ожидал найти в нем разгадку какой-то тайны. Волосы у него были длинные и спутанные, светлые, припорошенные светло-розовыми оттенками марсианской пустыни. Он был одет в кожаную куртку с подогревом — такие часто носят члены кочевых культов для защиты от смертоносного холода ночей за пределами города. Символ, выжженный на правом рукаве, выдавал в нем одного из Мотыльков, названных так в честь странного марсианского мотылька-падальщика, который селится в трупах. Он поднял взгляд, и меня поразил вид его лица, сурово и безжалостно прекрасного — так бывает прекрасна пустыня. Глаза мужчины были бледно-зелеными и едва заметно светились; я приняла бы его за шахтера, если бы не символ на куртке. Сперва мне показалось, что лет ему не меньше, чем моему отцу — где-то за сорок,— но потом он заговорил, и я услышала в его голосе юность.

— А я уж было подумал, что схожну здесь прежде, чем кто-нибудь решит меня обслужить.

Его грубость потрясла меня. Я его не знала, что для Нью-Галвестона было необычным, но не исключительным, особенно если он принадлежал к одному из пустынных культов. Однако нас с папой в общине уважали и, как правило, вели себя с нами соответственно.

— Простите, но мы закрыты.

— На знаке написано «Открыто».

— Я как раз собиралась его отключить.

— Но ты этого еще не сделала, а значит, пока что вы открыты. Мне черный кофе.

Не зная, что еще делать, я отвернулась к плите и поставила кипятиться воду. Мне не нравилось, что этот чужак вот так ввалился сюда и отдавал приказы. А еще больше мне не нравилось то, что я им подчинялась.

В следующие несколько минут заняться мне было нечем, поэтому я облокотилась на стойку, а мужчина просто сидел и смотрел на меня. Книгу я оставила под стойкой, не желая давать ему повод для продолжения разговора. Мне было слышно, как папа возится в кухне, отмывает тарелки и расставляет их по местам. И разговаривает с мамой. Это было личное: тихое проявление горя, непримечательное и безобидное; но теперь, когда этот человек его услышал, мне стало неловко.

— Кто там? — спросил мужчина.

— Мой отец. Это его закусочная.

— А с кем он говорит?

— С нашим Автоматом,— ответила я. Теперь эта ложь давалась мне легко.— Он посудомойщик.

— Посудомойщик, вот как? А где же твоя мама?

— На Земле.— Я почувствовала, как к лицу прилила кровь.

— А ты, значит, помогаешь отцу тут управляться? Он посылает свою маленькую дочурку иметь дело со всеми теми беспутными человеческими отбросами, которые заходят в эти двери, а сам прячется в подсобке и занимается бабской работой с Автоматами?

— Наши клиенты — не отбросы. Обычно они гораздо вежливее вас.